

Описаніе нашествія скопищъ Шамиля на Кахетію въ 1854 году.

Лѣвымъ флангомъ лезгинской кордонной линіи, съ 1847 года, названа линія укрѣпленій постовъ и вышекъ, расположенныхъ впереди Кахетіи, частию у подошвы главнаго кавказскаго хребта, частию на самомъ хребтѣ горъ, на пространствѣ отъ Мсхатъ горы и Угельтехили до горы Саирмо и рѣки Сторы.

Такое пространство линіи, доходящее до 110 верстъ, не имѣло никогда правильнаго и надежнаго матеріальнаго устройства.

Не знаю, почему столь восторженно одобренные и утвержденные начальствомъ проекты объ устройствѣ обороны Кахетіи полковниковъ Гродскаго и князя Меликова (*) въ 1850 году приводились въ исполненіе безъ малѣйшей энергіи, въ самомъ искаженномъ видѣ и съ такою медленностію, что впослѣдствіи какъ будто забыли даже о существованіи этихъ проектовъ.

Не буду описывать, въ чемъ состояли предположенія Гродскаго и князя Меликова, но скажу однако, что тѣ лица, отъ которыхъ зависѣло дать средства къ скорому выполненію этихъ полезныхъ для края мѣръ, пренебрегли какъ ими, такъ и временемъ, предполагая, что лезгинская линія пустой и

(*) Пыль генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, командующій войсками въ Дагестанской области.

безполезный предметъ относительно нашей кавказской войны. Кому-же была поручена эта линія—думалъ иначе, но спорить противъ нихъ было невозможно.

Бывшій начальникомъ лѣваго фланга лезгинской кордонной линіи съ 1850 по 1854 годъ, полковникъ князь Меликовъ, зная хорошо обстоятельства и неустроенное положеніе ввѣреннаго ему края, 4-го января 1854 года подалъ, по начальству, записку, въ которой, объясняя невозможность дать во-время помощь Кахетіи изъ Закаталъ, на случай нашествія Шамиля на этотъ край, просилъ: усилить на флангѣ число войскъ такъ, чтобъ, кромѣ двухъ баталіоновъ, расположенныхъ для охраненія укрѣпленій и нѣкоторыхъ ущелій и грузинской дружины, занимающей посты и вышки на передовой и нижней линіяхъ, были-бы еще два баталіона пѣхоты, четыре сотни казаковъ, съ четырьмя горными орудіями, для движенія по плоскости, куда надобность потребуетъ; для усиленія-же горныхъ пунктовъ, занимаемыхъ малочисленными караулами, составить временную милицію въ 300 человекъ, и особую резервную милицію въ 1500 составъ для вызова только въ самыхъ тревожныхъ обстоятельствахъ; грузинскую-же дружину усилить возвращеніемъ къ ней всѣхъ откомандированныхъ частей ея,—кромѣ того, немедленно устроить обороны по проекту, поданному имъ въ 1850 году, построить каменную ограду кварельскаго укрѣпленія, снабдить всѣ передовые посты порохомъ, хлѣбомъ и водою для обезпеченія ихъ на случай долгой осады; приспособить жилищными средствами разрушенныя сельскія укрѣпленія къ оборонѣ отъ непріятеля и куда могли-бы входить жители съ имуществомъ и держаться до подавія имъ помощи войсками.

Эта записка полковника князя Меликова была принята въ Тифлисѣ съ такимъ-же одобреніемъ, какъ проектъ его за

четыре года передъ тѣмъ. Въ этомъ-же мѣсяцѣ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника джаробълюканскаго округа и всей лезгинской кордонной линіи; постъ весьма важный и лестный для молодаго человѣка въ чинѣ полковника. Князь Меликовъ имѣлъ столько энергіи и практическаго ума и такъ хорошо зналъ край, а въ особенности Кахетію, что, дѣйствительно, выборъ его на эту должность былъ безошибоченъ. Ему дано право располагать всеми войсками лезгинской линіи, по собственному его усмотрѣнію, и вмѣнено въ обязанность, въ видѣ распространенія его власти, охранять нухинскій уѣздъ и рѣку Куру—какъ единственный путь, по которому должны были двигаться транспорты съ продовольствіемъ на всю закавказскую армію.

Военныхъ средствъ у князя Меликова для всего этого было весьма недостаточно, почему онъ и не могъ удѣлить Кахетіи столько войскъ, сколько требовалъ своею запискою; однако, признать себя заранѣе не въ силахъ удовлетворить ожиданіямъ начальства—было для него слишкомъ щекотливо.

Поэтому, вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, энергія и дѣятельность Меликова удвоились; въ концѣ февраля 1854 года онъ прибылъ изъ Тифлиса въ званіи начальника всей лезгинской линіи (вскорѣ онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры), прямо въ Кахетію и, пригласивъ назначеннаго начальникомъ лѣваго фланга линіи, полковника фонъ-Кульмана, телявскаго уѣзднаго начальника и здѣшнихъ помѣщиковъ, поѣхалъ съ ними въ каждую деревню, осмотрѣлъ старинныя сельскія крѣпости, поставилъ рабочихъ на возобновленіе ихъ, далъ росписаніе, какія селенія, въ какой крѣпости, должны искать убожища, назначилъ изъ помѣщиковъ крѣпостныхъ начальниковъ, полковнику фонъ-Кульману приказалъ приступить къ постройкѣ каменной стѣны кругомъ кварельскаго укрѣпленія;

окончить постройки кодорской башни и сацхеписского укрѣпленія, снабдить все передовые посты продовольствіемъ и боевыми припасами; разрѣшилъ жителямъ покушку пороха и свинца изъ кварельскаго парка, и, назначивъ на охраненіе Кахетин, кромѣ постоянно находящихся въ ней одного баталіона тифлискаго полка, грузинскаго линейнаго № 12-го баталіона и грузинской дружины, одинъ баталіонъ мингрельскаго полка, три сотни казаковъ, три сотни временной милиціи и 500 человекъ резервной и два горныхъ единорога, 7-го марта отправился въ Закаталы. Слѣдовательно, противу числа войскъ, означенныхъ въ запискѣ князя Меликова, на усиленіе прежнихъ оборонительныхъ силъ, ему пришлось дать Кахетинъ вдвое меньше, — а именно: вмѣсто двухъ баталіоновъ — одинъ, вмѣсто 1500 резервной милиціи — только 500, вмѣсто 4-хъ сотенъ казаковъ — 3, да и тѣ въ самомъ слабомъ составѣ, а вмѣсто 4-хъ горныхъ орудій — только два. Прибывъ туда, кажется, первымъ деломъ онъ поставилъ снова повторить полковнику фонъ-Кульману о снабженіи всехъ передовыхъ пунктовъ линіи тройнымъ комплектомъ боевыхъ припасовъ, по числу чиновъ, составлявшихъ гарнизоны, и достаточнымъ количествомъ провіанта (*), за симъ онъ просилъ его наблюдать, чтобы приведеніе въ оборонительное положеніе старинныхъ укрѣпленій было окончено въ возможно-ближайшій срокъ (**). Объ этомъ-же повторено предписаніемъ, отъ 27-го апрѣля, № 287. Такимъ образомъ, стараясь улучшить средства обороны Кахетин, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упустилъ изъ виду своевременно сблизиться, чрезъ вѣрныхъ лазутчиковъ, съ Хара-Ибрагимомъ, наибомъ анцухскимъ, человекомъ умнымъ и пользо-

(*) См. предп. 9-го марта, 1854 года, № 511.

(**) См. предп. отъ 2-го апрѣля, № 172

вавшимся довѣріемъ Шамиля, чтобъ чрезъ него имѣть всѣ свѣдѣнія о преднамѣреніяхъ Шамиля насчетъ Кахетин. Князь Меликовъ издержалъ значительныя суммы—Хара-Ибрагимъ сдѣлался вѣрнымъ слугою его и сталъ сообщать ему обо всемъ съ строгою точностію.

Въ началѣ іюня онъ пріѣхалъ опять въ Кахетію, но при осмотрѣ линій остался недоволенъ ходомъ исполненія его распоряженій.

18-го числа, этого-же мѣсяца, онъ прислалъ полковнику фонъ-Кульману слѣдующее секретное предписаніе:

«При настоящемъ положеніи дѣлъ на Кавказѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Шамиль замышляетъ нынѣшнимъ лѣтомъ вторгнуться въ наши предѣлы всею массою повинующихся ему горцевъ. При этомъ, по всей вѣроятности, цѣлью его будетъ не одно раззореніе покорныхъ намъ жителей или тревоженіе линій, но достиженіе самыхъ рѣшительныхъ результатовъ; весьма быть можетъ, что онъ будетъ дѣйствовать сосредоточенно по одному какому-нибудь направленію, на другихъ-же будетъ ограничиваться демонстраціями съ тѣмъ, чтобы развлекать наше вниманіе и оттянуть заблаговременно наши главные силы отъ той стороны, куда направлены будутъ главные его усилія.

«Неизвѣстность, въ которой находимся мы насчетъ замысловъ Шамиля, заставляетъ насъ быть готовыми къ первоначальному отпору на всѣхъ пунктахъ, оберегая главные наши силы для отраженія сосредоточенной массы. Настоящая цѣль Шамиля объяснится не иначе, какъ ходомъ самаго дѣла: распоряженія, сдѣланныя нами въ то время, когда намѣренія непріятели еще не вполне обнаружились, могутъ повлечь за собою самыя пагубныя для насъ послѣдствія.

«Эти военныя разсужденія объясняютъ вашему высоко-

благородію, въ общихъ чертахъ, соображенія, которыми вы должны руководствоваться съ случаѣ появленія непріятеля въ значительныхъ силахъ противъ вѣреннаго вамъ лѣваго фланга лезгинской кордонной линіи. При этомъ должны вы имѣть въ виду своевременное подаііе помощи отдѣльнымъ передовымъ постамъ и мѣстнымъ жителямъ.

«Для доставленія тѣмъ и другимъ первоначальной самостоятельной обороны на нѣкоторое время, приняты уже дѣйствительныя мѣры. Передовые посты и башни, которые предположено удерживать за собою, совершенно обезпечены въ отношеніи къ запасамъ воды, провіанта и военныхъ припасовъ. Въ селеніяхъ возобновлены старинныя укрѣпленія, военная организація мѣстныхъ жителей приведена въ порядокъ, остается только наблюдать, чтобы не происходило никакихъ отступленій отъ этого порядка.

«За очищеніемъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ присутствіе войскъ въ настоящее время оказывается излишнимъ, въ распоряженіи вашего высокоблагородія будутъ находиться два баталіона пѣхоты, три сотни казаковъ, чегыре орудія, пять сотенъ милиціи и пять сотенъ грузинской дружины—этотъ отрядъ составитъ подвижной резервъ лѣваго фланга, который направите вы туда, куда надобность укажетъ.

«При появленіи непріятельскихъ скопищъ передъ селеніями, жители обязаны немедленно перегнать скотъ свой на правый берегъ Алазани: семейства и имущество свое помѣстить внутри возобновленныхъ сельскихъ укрѣпленій, что не помѣстится въ укрѣпленіяхъ, можетъ быть зарыто въ землю. Всѣ жители, способные носить оружіе, должны лично участвовать въ оборонѣ селенія и въ удержаніи на первое время непріятеля, въ какихъ-бы силахъ онъ ни наступалъ, къ чему весьма способствуетъ самая система расположенія селеній,

большую часть окруженных садами, заборами и каменными оградами.

«Если даже нападение произведено будетъ одновременно на нѣсколько пунктовъ завѣдываемой вами линіи, то въ скоромъ времени должно обнаружиться, куда непріятель наступаетъ въ наибольшихъ силахъ, или какой пунктъ подвергается наибольшей опасности. Для поддержанія такового пункта должны вы направиться къ нему съ подвижнымъ резервомъ. Само-собою разумѣется, что при этомъ всего важнѣе направиться туда именно, гдѣ присутствіе резерва окажется дѣйствительно наиболѣе нужнымъ, и остерегаться ложныхъ движеній и демонстрацій, которыя, вѣроятно, непріятель будетъ производить для того, чтобы ввести васъ въ заблужденіе насчетъ настоящихъ своихъ намѣреній.

«Окончательная раздѣлка съ непріятелемъ выпадетъ исключительно на вашу долю только въ такомъ случаѣ, если все покушеніе его будетъ не-болѣе, какъ демонстраціею, произведенною съ намѣреніемъ отвлечь наше вниманіе и наши войска отъ той стороны, куда направитъ онъ наибольшія успія свои. Если-же окажется, что дѣйствительно самъ Шамиль съ главнымъ скинцемъ обратился на завѣдываемую вами часть дзегинской линіи, то я, безъ малѣйшаго замедленія, пошлю къ вамъ на помощь съ силами, достаточными для отраженія горцевъ и для нанесенія имъ пораженія. Въ такомъ случаѣ вы можете рассчитывать и на содѣйствіе со стороны начальника тушинно-пшаво-хевсурскаго округа. Само-собою разумѣется, что на-оборотъ обстоятельства могутъ потребовать движенія командуемаго вами резерва въ грузинскія деревни Тушетін, если Шамиль устремится туда съ главнымъ своимъ скинцемъ.

«Въ заключеніе замѣчу вамъ, что въ самой подробной

инструкціи не могутъ быть предусмотрѣны все случаи, которые могутъ вамъ представиться, и что таковая инструкция только бесполезно стѣснима-бы васъ въ вашихъ дѣйствіяхъ. Изложивъ здѣсь въ общихъ чертахъ соображенія, которыми вы должны руководствоваться на первое время, я твердо увѣренъ, что собственная ваша находчивость, рвеніе къ службѣ и хладнокровная предпримчивость укажутъ вамъ наилучшій способъ дѣйствія во всехъ возможныхъ случаяхъ.»

Въ концѣ іюня войска лѣваго фланга занимали слѣдующія позиціи:

1) Грузинская дружина занимала все посты, вышки на линіи и горныя дороги по главному хребту, малыми караулами.

2) Грузинскій линейный № 12-й баталіонъ, стоя въ полномъ составѣ въ Сацхенисахъ, занимался построеніемъ тамошняго укрѣпленія и вмѣстѣ съ одною сотнею казаковъ, расположенною около упраздненнаго бѣжаньянскаго укрѣпленія, прикрывалъ со стороны спусковъ съ Годзаль-Адатла и Бахояни деревни: Новыя Гавазы, Стар. Гавазы, Чиканы, Кучатаны и Санаварды.

3) 3-й баталіонъ мингрельскаго полка былъ въ Кварели: двѣ роты составляли гарнизонъ укрѣпленія, а двѣ, квартируя въ деревнѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ укрѣпленія, занимались заготовленіемъ матеріаловъ для постройки каменной ограды этаго укрѣпленія. Этимъ баталіономъ полагалось прикрывать Кварель со стороны Долисъ-Губе и Дуруджи.

4) Шуагорское ущелье было занято 500 человекъ резервной милиціи, расположенной въ Хандо. Ущелье шуагорское казалось самымъ неудобнымъ для движенія непріятеля, ибо сверхъ этой милиціи его охраняли похальская и шуагорская башни, а шильдинскіе сады представляли отличную

оборону противу непріятельской кавалеріи.

5) 3-й баталіонъ тифліскаго полка, съ двумя горными единорогами, былъ поставленъ на Кодорѣ для окончанія постройки тамошней башни и долженъ былъ прикрывать селенія: Сабу, Энисели, Греми, Алматы и другія, лежащія по теченію кодорской рѣчки,—

и 6) Двѣ сотни казаковъ и три сотни временной милиціи стояли между Артани и Напареули, противу лопотинскаго ущелья.

И такъ, всѣ ущелья были закрыты и всѣ главные спуски заняты войсками.

Съ перваго взгляда на такое расположеніе войскъ казалось, что непріятель, встрѣчая вездѣ препятствія, хоть настолько времени, пока могли послѣть подкрѣпленія съ другихъ пунктовъ, не будетъ въ состояніи прорваться сквозь линію,—но послѣдовавшіи обстоятельства показали другое.

28-го іюня явились къ полковнику фонъ-Кульману лазутчики и объявили, что Шамиль съ большими силами дагестанцевъ и чеченцовъ уже прибылъ въ дер. Караты, откуда, по присоединеніи на пути дидойскаго общества, возьметъ направленіе, какъ они слышали, чрезъ Тушетію на плоскость, въ г. Телавъ, или на военно-грузинскую дорогу. Другія-же общества—калаковское, анцухское и капучинское, всѣ, начиная съ 16-ти лѣтняго возраста до стариковъ—уже собраны на полянѣ Бацъ-батели, которыхъ лазутчики видѣли сами и которыя намѣрены спуститься, чрезъ Садхенисы или другія дороги, на плоскость для нападенія на грузинскія деревни; всѣ они, какъ и сборище Шамиля, конныя, а пѣшія будутъ занимать высоты и спуски.

Сынъ Шамиля и Даніель-бекъ такъ-же, съ большимъ сборищемъ, двинутся въ Казикумухъ.

По полученіи этого свѣдѣнія полковникъ фонъ-Кульманъ предписалъ командиру 3-го баталіона тифлискаго полка, находящагося на Кодорѣ, быть совершенно готовымъ къ спуску на плоскость, какъ только обнаружится движеніе непріятеля, оставивъ въ строящейся башнѣ команду мастеровыхъ; 3-му баталіону мингрельскаго полка и казакамъ приказалъ быть также готовыми въ движенію, куда надобность потребуетъ, — а жителямъ кварельскаго участка объявилъ ввести семейства свои въ сельскія укрѣпленія, а скотъ перегнать на правую сторону Алазани, *если только подтвердятся слухи и непріятель будетъ открытъ.*

Обо всемъ этомъ, въ тотъ-же день, донесъ начальнику лезгинскаго отряда, князю Меликову, и увѣдомилъ тушинскаго окружнаго начальника, полковника князя Челобаева. Но, не смотря на эти своевременныя и необходимыя къ скорому исполненію мѣры полковника фонъ-Кульмана, надобно признаться, что при такихъ условіяхъ, въ какихъ они были предлагаемы, было все равно, что если-бы не послѣдовало никакого распоряженія, потому что кто знаетъ мѣстность лезгинской линіи, тотъ легко пойметъ, что положительное свѣдѣніе и открытіе движенія непріятеля могли послѣдовать только въ то время, когда онъ уже сдѣлалъ-бы вторженіе въ кахетинскія деревни чрезъ главный хребетъ лѣсами и соединенными съ ними сельскими садами. До подъема на вершину главнаго хребта непріятель не могъ быть замѣченъ нашими караулами; для спуска-же оттуда на плоскость нужно было ему только три часа—слѣдовательно, извѣстіе отъ передовыхъ карауловъ о появленіи непріятеля дошло-бы до жителей и начальства Кахетин одновременно съ нападеніемъ.

О прибытіи въ Карату и объ этомъ намѣреніи Шамши было сообщено князю Меликову и Хара-Ибрагимомъ еще ра-

нѣе, чѣмъ онъ получилъ донесеніе полковника фонъ-Кульмана, но вслѣдъ за симъ онъ былъ извѣщенъ Хара-Ибрагимомъ, что Шамиль потребовалъ къ себѣ анцухцевъ и дидойцевъ. Изъ этого онъ заключилъ, что намѣреніе непріятеля перемѣнилось, и Шамиль, отзывая горскія общества, прилегающія къ Кахетіи на востокъ, замышляетъ напасть, или, по примѣру 1853 года, на жаробѣлоканскій округъ, или-же на нухинскій уѣздъ. Поэтому главное вниманіе начальника отряда обратилось на правый флангъ линіи.

Между тѣмъ дѣло вышло такъ: Шамиль, узнавъ о секретномъ сношеніи съ нами Хара-Ибрагима и нѣкоторыхъ дидойскихъ старшинъ, замаскировалъ свое предпріятіе, и въ то самое время, когда послалъ анцухскому и дидойскому обществамъ приказаніе слѣдовать въ Карату, онъ самъ, со всѣмъ скопищемъ своимъ, пошелъ къ нимъ на-встрѣчу въ Анкратль и оттуда, быстро повернувъ ихъ назадъ, велѣлъ идти чрезъ Барибъ-мейданъ и Кидеро въ Кахетію. По прибытіи въ Анцухъ, тотчасъ-же арестовалъ Хара-Ибрагима и снялъ съ него званіе наіба, а двумъ дидойскимъ старшинамъ, служившимъ намъ лазутчиками, Кочли Махмаду и Торе Хебици, отрубилъ головы.

Какъ этотъ маневръ, такъ и эта строгость лишили насъ всякой возможности знать—что въ эти дни совершалось по ту сторону горъ. Только уже въ 8 часовъ вечера, 2-го іюля, нашъ горный караулъ, выставленный съ похалисъ-тавской башни, на Ниникось-цихе, увидѣлъ движеніе огромныхъ массъ непріятельской пѣхоты и конницы. Какъ только караулъ приближалъ и далъ знать завѣдывающему башнею, хорунжему грузинской дружины князю Чавчавадзе, этотъ тотчасъ-же отправилъ 4-хъ человекъ милиціонеровъ съ краткимъ донесеніемъ въ кварельское укрѣпленіе къ командиру дружины, подпол-

ковнику князю Кобулову. Въ рапортѣ Чавчавадзе было сказано, что непріятель въ огромномъ числѣ показался противъ его башни со стороны Ниникось-цихе,—что онъ приготовился защищаться и, не имѣя времени подробно писать, просилъ въ-рѣть разсказу посланныхъ имъ милиціонеровъ, и что онъ, въ то же время, далъ знать, чрезъ шуагорское ущелье, въ селеніе Шильды, адъютанту главнокомандующаго, подполковнику князю Чавчавадзе, командовавшему 500 человекъ резервной милиціи, расположенной въ урочищѣ Хандо.

Было 11 часовъ ночи, милиціонеры доставили эту бумагу въ Кварель и объявили, что горцы идутъ въ такомъ числѣ конныхъ и пѣшихъ партій, что они никогда такого большаго сбора непріятеля не видѣли и, что они идутъ по двумъ направленіямъ—одни спускаются въ шильдинское ущелье, другіе въ кварельское.

Командиръ дружины, подполковникъ князь Кобуловъ, рапортъ князя Чавчавадзе передалъ мнѣ, какъ завѣдывавшему управленіемъ начальника лѣваго фланга, а я, тотчасъ-же, отправилъ его къ полковнику фонъ-Кульману, находившемуся тогда въ укр. Сацхенисахъ, и, пользуясь довѣріемъ его, сообщилъ объ этомъ движеніи непріятеля всѣмъ частнымъ начальникамъ отъ себя, повторяя приказаніе полковника фонъ-Кульмана, означенное въ донесеніи его князю Меликову, а также написалъ телавскому уѣздному начальнику и кварельскому участковому засѣдателю, присовокупивъ послѣднему просьбу—ввести немедленно всѣ семейства жителей, безъ исключенія, въ старинныя сельскія крѣпости,—на всѣхъ дорогахъ, идущихъ въ деревню, выставить секреты изъ жителей,—всѣ проходы, по деревнѣ, идущіе на базары и оттуда къ крѣпости, заложить камнями сухой кладки, приказавъ жителямъ быть осторожными и всѣмъ поголовно, кто только можетъ

владѣть оружіемъ, быть подъ ружьемъ для встрѣчи непріятеля.

Князь Кобулоєъ, возвѣстивъ жителямъ объ угрожающей опасности, тремя сигнальными пушечными выстрѣлами вызвалъ весь кварельскій гарнизонъ, приказалъ воинскому начальнику, маіору Соколову, на-скоро устроить развалившійся частоколъ укрѣпленія и сообщилъ письменно всѣмъ постамъ, ему подчиненнымъ на кордонной линіи, а также и уѣздному начальнику и предводителю телавскаго дворянства.

Подполковникъ князь Чавчавадзе, получивъ въ Шильдахъ извѣстіе о появленіи непріятеля на главномъ хребтѣ, также въ 11 часовъ ночи объявилъ жителямъ селенія необходимость въ ту-же ночь войти въ сельское укрѣпленіе; но всѣ убѣжденія его въ Шильдахъ остались также тщетными, какъ въ Кварели приказанія участковаго засѣдателя, потому что жители деревень до того уже привыкли къ этимъ слухамъ, большею частію ложнымъ, что, наконецъ, не хотѣли вѣрить и въ настоящее время, когда опасность дѣйствительно была неизбежна и очень близка.

Полковникъ фонъ-Кульманъ, во 2-мъ часу по полуночи, получивъ посланный мною рапортъ хорунжаго князя Чавчавадзе съ дополненіемъ, сдѣланнымъ мною по показанію присланныхъ милиціонеровъ, въ ту-же минуту отправилъ это извѣстіе князю Меликову въ Закаталы, и въ тотъ-же часъ, призвавъ управляющаго гавазскимъ поселеніемъ, капитана князя Абхазова, вмѣстѣ съ нимъ распорядился переселить семейства и скотъ жителей селеній Гавазы, Чикаани, Кучатаны и Санавардо за Алазань; вооруженныхъ жителей тѣхъ-же селеній собрали въ Чикаани, семейства гавазскихъ поселянъ ввели въ укрѣпленіе Сацхенись, а жителей мужескаго пола оставилъ въ самомъ поселеніи и давъ надлежащее наставленіе къ оборонѣ капитану князю Абхазову, самъ, съ

двумя ротами линейнаго баталіона и сотнею казаковъ, въ 12 часовъ, 3-го числа, отправился въ Кварели.

Вся ночь въ кварельскомъ укрѣпленіи прошла въ усиленной дѣятельности, такъ что нижніе чины отдохнули отъ работъ уже по утру. Непріятель не показывался; изъ Шильды съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія. Наконецъ, въ 9-ть часовъ утра, пріѣхалъ оттуда посланный мною казакъ и на вопросъ мой отвѣчалъ, что онъ изъ Шильды выѣхалъ въ седьмомъ часу, что тамъ все благополучно, о непріятелѣ ничего не слыхать и, что бумагъ ему никакихъ не дали.

Обходные милиціонеры возвратились также изъ ущелья Дуруджи—что впереди Кварели, ничего не зная о появленіи непріятельскихъ скопищъ. Мы были въ недоумѣніи и начали уже подозрѣвать, что партія, показавшаяся на горѣ Ниникось-цихе, вѣроятно, была не большая и, будучи открыта нашимъ карауломъ, вернулась назадъ въ горы.

Разсуждая объ этомъ съ подполковникомъ княземъ Кобуловымъ, я былъ отозванъ въ сторону шедшимъ въ то время по крѣпостной площади мингрельскаго полка капитаномъ Хамдамировымъ, который съ комическимъ хладнокровіемъ объявилъ мнѣ, что полчаса тому назадъ пріѣхалъ изъ селенія Кварели баталіонный адъютантъ, поручикъ Лыскавъ, съ извѣстіемъ, что жители получили вѣрное свѣдѣніе, что Шамиль сегодня утромъ завладѣлъ селеніемъ Шильды и сжегъ его.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило насъ, а еще болѣе удивило, что баталіонный адъютантъ и его командиръ, капитанъ Янау, сочли лишнимъ объ этомъ объявить начальству.

Князь Кобуловъ, поручивъ укрѣпленіе и свою кордонную дистанцію воинскому начальнику, майору Соколову, тотчасъ же взялъ одну роту мингрельскаго полка и отиравился въ Шильды; а я, донеся объ этомъ полковнику фонъ-Кульману, поѣ-

халь въ деревню Кварели повѣрять—исполнено-ли все то, о чемъ просить участковаго засѣдателя, относительно ввода семействъ въ сельскую крѣпость и приготовленія жителей къ оборонѣ.

Въ деревнѣ Кварели встрѣтилъ меня участковый засѣдатель, который разсказалъ, что жители не слушали его до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрились сами въ угрожающей опасности извѣстіемъ, полученнымъ изъ Шильдъ. При мнѣ большая часть семействъ уже была въ крѣпости, а остальная торопилась войти—суматоха была страшная во всей деревнѣ.

Возвратившись назадъ въ укрѣпленіе, я увидѣлъ князя Кобулова, который, встрѣтивъ на пути отъ Кварель къ Шильдамъ, на Кунсъ-цкарскомъ полѣ, скопище до 2000 человекъ, не рискнулъ пробиться сквозь такую массу съ одною ротою,—тѣмъ болѣе, что не имѣлъ на то приказанія, возвратился обратно въ укрѣпленіе.

Въ два часа пополудни я получилъ отъ полковника фонъ-Кульмана записку, въ которой опъ увѣдомлялъ о своемъ выступленіи изъ Сацхеписъ и предлагалъ подполковнику князю Кобулову къ двумъ ротамъ мингрельскаго полка, расположеннымъ въ деревнѣ Кварель, придать одно легкое орудіе изъ упряжнаго взвода кварельскаго артилерійскаго гарнизона и идти съ ними на помощь селенію Шильды и, во что-бы ни-стало, открыть сообщеніе между этими двумя селеніями.

Приказаніе это было исполнено безъ малѣйшаго замедленія. Но не прошло полчаса по уходѣ подполковника князя Кобулова, какъ дали знать изъ деревни Кварель, что чрезъ горы, отдѣляющія Кварель отъ Шильдъ, противу долочобскаго поста, показалась партія горцевъ. Я послалъ дать знать объ этомъ князю Кобулову; вскорѣ посланный казакъ привезъ мнѣ записку, что князь Кобуловъ уже приближается къ Шильдамъ, откуда слышна перестрѣлка, и что считаетъ уже болѣе воз-

можнымъ, по близости, помочь Шильдамъ, нежели Кварели.

Вскорѣ прибыть и полковникъ фонъ-Кульманъ, и партія, показавшаяся противъ Долочобы, вѣроятно, замѣтившая его движеніе, скрылась за горы.

Между тѣмъ непріятель, въ 5-ть часовъ по-полудни, разбилъ огромный лагерь на вершинѣ Патараалаги, въ виду кварельскаго упрѣпленія. Фасъ лагерь, обращенный къ намъ, состоялъ изъ 60-ти палатокъ. Движеніе народа и разноцвѣтные значки были видны простымъ глазомъ.

Но что сдѣлалось съ Шильдами—мы ничего не знали до поздней ночи. Въ 11-ть часовъ, съ 3-го на 4-е число, наконецъ, фонъ-Кульманъ получилъ отъ подполковника князя Чавчавадзе письмо, адресованное къ князю Кобулову.

Письмо это хотя весьма слабое описаніе истины—но, на всякій случай, помѣщаю здѣсь слово въ слово:

«Сегодня, въ 7-мъ часовъ утра, мы были атакованы большими конными и пѣшими непріятельскими силами. Дѣло въ деревни продолжалось до 11-ти часовъ. По средствамъ, которыя мы имѣли, какъ гг. сотенные командиры, такъ и люди, вели себя примѣрно. Потеря у непріятеля огромная. Съ нашей стороны убитыхъ немного, нѣсколько женщинъ и мальчиковъ захвачены изъ крайнихъ саклей.

«Въ исходѣ двѣнадцатаго часа часть кавалеріи потянулась къ Эниселямъ, куда я тотчасъ-же направилъ 150 человекъ своей дружины. Часть-же кавалеріи ихней бродить по окрестностямъ, а другая расположилась у поста Хандо.

«Вообще помощи намъ до сихъ поръ никакой не дано—а этими средствами пѣтъ возможности предпринять намъ рѣшительнаго.

«Просьба моя къ тебѣ очень большая и она важная—доставить намъ, сегодня-же, два пуда пороху и свинцу че-

тыре пуда, а то мы рискуемъ остаться безъ выстрѣла.

«Ради Бога, скорѣй помощи намъ порохомъ и свинцомъ.

Твой Давидъ Чавчавадзе.»

«3-го іюля,

въ 12½ час. по-полудни.»

«Письмо это казакъ привезъ назадъ, по неимѣнію проѣзда; теперь снова посылаю. Одинъ изъ плѣнныхъ сказалъ намъ, что самъ Шамиль и Султанъ въ Хандо.»

Отправивъ въ Шильды требуемый порохъ и свинецъ, полковникъ фонъ-Кульманъ, по содержанію этого письма и по разсказу привезшихъ его милиціонеровъ и казаковъ, въ ту-же ночь донесъ генералу князю Меликову (отъ 3-го іюля, № 1073) о нападеніи и сожженіи непріятелемъ сел. Шильды, о прерваніи сообщенія между этимъ селеніемъ и Кварелью, о поджогахъ горцами селеній: Пашаани, Турисъ-цихе, Сабуѣ, Грени и Энисели и объ отправленіи, съ двумя ротами и однимъ орудіемъ, подполковника кн. Кобулова на помощь къ подполковнику князю Чавчавадзе. Въѣстѣ съ этимъ, отъ 3-го-же іюля, № 1074, увѣдомивъ о снискѣ непріятеля въ Кахетію тушинно-пшаво-хевсурскаго окружнаго начальника, полковника князя Челокаева, онъ проситъ о высылкѣ къ нему форсированнымъ маршемъ изъ Тіонетъ 4-го баталіона навагинскаго полка, составлявшаго резервъ войскъ лѣваго фланга линіи.

Утромъ-же 4-го числа онъ отправилъ два отношенія: одно за № 1076—къ сигнахскому уѣздному начальнику, прося выслать резервную милицію, а другое—командующему двумя дивизіонами нижегородскаго драгунскаго полка, находящемуся

на Карагачѣ, за № 1077, совѣтуя ему двинуться по правому берегу Алазани вверхъ, до г. Телава.

Между тѣмъ полковникъ фонъ-Кульманъ получилъ другое письмо отъ подполковника князи Чавчавадзе (отъ 4-го іюля) слѣдующаго содержанія:

«Торопясь имѣть скорѣе отъ васъ наставленіе—какого рода должны быть дальнѣйшія мои дѣйствія, и не имѣя еще всѣхъ подробностей вчерашняго нашего дѣла, которое продолжалось отъ 7-ми до 12-ти часовъ по полуночи, я обо всемъ буду имѣть честь довести вамъ при первой возможности.

«Теперь-же спѣшу васъ увѣдомить, что непріятель вчера отступилъ къ Хандо, въ весьма большомъ количествѣ какъ кавалеріи, такъ и пѣхоты, гдѣ и нынче находится.

«Средства мои въ настоящее время состоятъ изъ двухъ ротъ мингрельскаго полка, баталіона тифлисскаго полка и 400 челов. милиціонеровъ, изъ коихъ, на худой конецъ, въ крѣпости надо оставить 300 челов. Большая-же часть остальныхъ милиціонеровъ употреблена на занятіе разныхъ дорогъ, чтобы знать—какое направленіе возьметъ непріятель.

«Считаю долгомъ сообщить вамъ, что ежели не будетъ усиленъ вѣреннѣйшій мнѣ отрядъ, то непріятель можетъ нанести значительный вредъ цѣлой Кахетин; въ особенности, при настоящихъ обстоятельствахъ, безъ кавалеріи, нѣтъ возможности ничего предпринять, тѣмъ болѣе, что главная сила непріятельская въ конницѣ.

«Жду съ нетерпѣніемъ вашего наставленія, какъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ случаѣ. 4-го іюля, 1854 года.»

Полковникъ фонъ-Кульманъ не сомнѣваясь, что къ ночи, съ 4-го на 5-е число, могутъ прибыть въ его распоряженіе два дивизіона драгунъ и синахская резервная дружина, послалъ князю Чавчавадзе слѣдующее предписаніе:

„Получивъ письмо ваше отъ 4 іюля, я усмотрѣлъ, что у вашего сіятельства собраны въ настоящее время одинъ баталіонъ тифлисскаго полка, двѣ роты мингрельскаго, часть грузинской дружины и 400 чел. милиціонеровъ резервной кахетинской милиціи; но при всемъ томъ, не имѣя кавалеріи, вы не можете предпринять ничего рѣшительнаго противу огромныхъ скопищъ Шамиля, предающихъ раззоренію селенія телавскаго уѣзда. Вполнѣ соглашаясь съ вами въ необходимости усилить отрядъ противу этихъ скопищъ, я прошу ваше сіятельство съ частями войскъ, находящимися у васъ, съ наступленіемъ ночи, двинуться, форсированнымъ маршемъ, къ посту Куйсцкарю (что между Шильды и Кварелью), оставивъ въ шильдинской крѣпости, для охраненія тамошнихъ семействъ, вооруженныхъ жителей этаго селенія и 100 чел. резервной милиціи. Съ наступленіемъ ночи я то-же пойду съ сотнею казаковъ, съ однимъ орудіемъ, къ Куйсцкарю, гдѣ буду ожидать вашего прибытія. По соединеніи-же я предприму, по указанію обстоятельствъ, рѣшительное дѣйствіе противъ непріятеля. 4-го іюля, № 1078.“

Но вмѣсто ожидаемой помощи, полковникъ фонъ-Кульманъ получилъ рапортъ князя Челобаева, что онъ не можетъ отправить къ нему 4-й баталіонъ павлагинскаго полка, по неимѣнію совершенно провіанта у нижнихъ чиновъ, и что пріемщикъ посланъ въ Анапуръ; сигнахскій уѣздный начальникъ-же, отношеніемъ отъ 4-го іюля, № 6-й, увѣдомилъ его, что онъ не можетъ ему выслать резервную дружину, потому, что непріятель въ большой массѣ показался на лѣвомъ берегу Алазани и сигнахскій уѣздъ нуждается въ вспоможеніи, а бумагу, отправленную къ командиру драгунскими дивизіонами, привезли назадъ, такъ какъ драгуны были взяты до того времени въ Закаталы.

Почему синахскій уѣздный пачальникъ увѣрялъ, что уѣздъ этотъ въ опасности и гдѣ онъ видѣлъ въ большихъ массахъ непріятеля—неизвѣстно?

Утромъ, того-же дня, полковникъ фонъ-Кульманъ приказалъ мнѣ съѣздить въ деревню Кварель и посмотреть все-ли въ порядкѣ и въ готовности къ оборонѣ. По приѣздѣ туда, участковый засѣдатель предложилъ мнѣ подняться на одну изъ крѣпостныхъ башенъ и взглянуть на дымившіяся деревни по правую сторону Алазани.

Это была ужасная картина! Увидѣвъ это, не оставалось и тѣни сомнѣнія противу того, что непріятель, недовольствуясь сожженіемъ Шильды, переправился черезъ Алазанъ и предавалъ все, въ буквальномъ смыслѣ, огню и мечу.

Вечеромъ, въ 12-ть часовъ, фонъ-Кульманъ получилъ изъ Шильды отъ князя Кобулова, отъ 4-го іюля, слѣдующее письмо:

„Эти два дня люди всѣ стоятъ подъ ружьемъ и имѣютъ съ непріателемъ сильныя дѣла. Сегодня, въ 9-ть часовъ утра, мы пошли по слѣдамъ непріятельской кавалеріи, перешедшей за Алазанъ, и жегшей много деревень за Алазанью; отрядъ состоялъ изъ 3-хъ ротъ тифлискаго егерскаго полка при двухъ орудіяхъ, двухъ сотенъ резервной милиціи, конной и пѣшей команды милиціонеровъ грузинской дружины,—но дошедъ до Алазани, по случаю большой воды и немѣнны переправы, не могли переправить орудія и солдатъ; поэтому князь Чавчавадзе, выбравъ позицію около берега Алазани, началъ ожидать отступленія непріятеля. Нѣсколько партій непріятельской кавалеріи совершенно уничтожено мѣткими выстрѣлами солдатъ и милиціонеровъ и утоплены въ Алазанѣ преслѣдованіемъ милиціонеровъ, такъ что свыше 40-ка тѣлъ осталось на мѣстѣ; вечеромъ должны были фор-

сированнымъ маршемъ идти на выручку Шильды, занятой пѣшими горцами, гдѣ мы еще застали непріятеля и вытѣснили изъ деревни, но сады все еще заняты непріятелемъ. У насъ тоже есть убитые и раненые, но мало.“

„Михаилъ Самойловичъ, у насъ совершенно нѣтъ уже патроновъ для милиціи и поэтому покорнѣйше прошу васъ прислать, только при сильномъ конвоѣ, снаряды.“

„Непріятель все еще стоитъ въ Хандо и день ото дня увеличивается въ огромномъ числѣ и, по словамъ плѣннаго чеченца, сынъ Шамиля и Даніель-Султанъ здѣсь, въ Хандо, а самъ Шамиль—на Похалѣ; изъ этого можете судить объ огромномъ числѣ непріятеля. Михаилъ Самойловичъ, люди, не имѣя ни минуты отдыха, отъ чрезвычайной ходьбы, утомляются, и поэтому не мѣшало-бы, до поданія помощи княземъ Меликовымъ, потребовать дружины изъ сигналахскаго уѣзда. Князь Давидъ Чавчавадзе нездоровъ и сегодня едва превозмогалъ болѣзнь. Непрительская пѣшая партія сейчасъ спустилась въ большомъ числѣ.“

Прочитавъ письмо это, фонъ-Кульманъ питался еще надеждою, основанною на вѣроятіи, что недолго придется ждать помощи со стороны войскъ праваго фланга кордонной линіи, но, къ крайнему удивленію и несчастію, на разсвѣтѣ, 5-го числа, онъ узналъ изъ нижестѣдующаго предписанія князя Меликова, что донесенія его о вторженіи Шамиля въ Кахетію не дошли до него.

Князь Меликовъ писалъ, отъ 4-го іюля, № 488, изъ Закаталъ:

«Сейчасъ получено мною извѣстіе, будто многочисленное скопище горцевъ расположилось на урочищѣ Барибъ-мѣйданѣ и, что самъ Шамиль лично находится при этомъ скопищѣ.

«Хотя извѣстіе это отчасти согласуется съ тѣми, которыя получаются чрезъ нѣкоторыхъ лазутчиковъ о намѣреніи Шамиля двинуться въ Кахетію и въ Тунетію, но я сомнѣваюсь въ справедливости его, преимущественно потому, что не получаю отъ васъ никакого донесенія о появленіи скопища горцевъ противъ завѣдывасмаго вами фланга. Урочище Барибъ-мейданъ находится такъ близко отъ горныхъ карауловъ хубйрскаго, похалистъ-тавскаго, что расположеніе на немъ многочисленнаго скопища не могло-бы не остаться незамѣченнымъ.

«Во всякомъ случаѣ, покорно прошу ваше высокоблагородіе, съ полученіемъ сего отправить лазутчиковъ и принять самыя дѣятельныя мѣры къ разъясненію истины. Если окажется, что дѣйствительно самъ Шамиль направляется противъ лѣваго фланга, то, по первому отъ васъ о томъ донесенію, я поспѣшу къ вамъ со всею кавалеріею лезгинскаго отряда и конными орудіями, вслѣдъ затѣмъ прибудетъ и пѣхота съ пѣшею артилеріею. Изъ этого вы видите, что должны быть крайне осмотрительны въ вашихъ донесеніяхъ, потому что Шамиль можетъ воспользоваться произведенною у насъ ложною тревогою и сосредоточеніемъ войскъ на одной оконечности линіи, для того, чтобы въ то самое время двинуться со всею массою своихъ силъ на другой конецъ линіи, куда помощь тогда уже не въ состояніи будетъ поспѣть совершенно.»

И такъ свѣдѣнія изъ Шильдъ получались одно ужаснѣе другаго въ то время, когда помощи не было ни-откуда. Полковникъ фонъ-Кульманъ, сообщивъ обо всемъ, что зналъ, князю Меликову съ тѣмъ-же нарочнымъ, который привезъ предписаніе, не могъ болѣе обнадеживать князя Кобулова въ намѣреніи—предпринять что-либо рѣшительное противъ непріа-

теля, пока наличныя войска его должны были охранять и Шильды, и Кварель, и другіе пункты линій, могшіе также подвергнуться нападенію. Поэтому рѣшился оставить уже разоренныя Шильды, до нѣкотораго времени, безъ войскъ, чтобы имѣть одинъ, хотя слабый, но свободный отрядъ для дѣйствій въ деревень. Но чтобы не дать замѣтить непріятелю, что Шильды оставлены совершенно безъ войскъ, онъ предписалъ князю Кобулову выйти оттуда ночью (съ 5-го на 6-е число). Вотъ въ чемъ заключалось это предписаніе:

«Предлагаю вашему сіятельству, съ наступленіемъ почти сего числа, со всѣми войсками, подъ командою вашею состоящими, не смотря ни на какія обстоятельства, прорваться чрезъ непріятеля и слѣдовать въ куйсцкарскому посту, по прибытіи туда меня о томъ уведомить, стараясь взять съ собою какія возможно будетъ семейства и доставить въ Кварель. 5-го іюля, № 1080.»

Какъ только полковникъ фонъ-Кульманъ отправилъ эту бумагу—какъ послѣднюю мѣру крайности, къ нему прискакала одинъ парочный и объявилъ ему, что, наконецъ, идутъ драгуны, казаки и артилерія, посланные княземъ Меликовымъ на помощь Кахетин, и что чрезъ нѣсколько часовъ они будутъ въ Кварели.

Эта была великая минута, возстановившая нравственныя силы наши. Каждый говорилъ объ этомъ съ какимъ-то лихорадочнымъ экстазомъ и съ улыбкою на лицѣ, и на нѣкоторое время, казалось, мы всѣ забыли о несчастіи Шильды и другихъ деревень, которое знали только изъ частью преувеличенныхъ, частью—неполныхъ разсказовъ.

Князь Меликовъ получилъ первое донесеніе фонъ-Кульмана о появленіи горцевъ на главномъ хребтѣ, отправленное 3-го числа, только на другой день въ два часа по-полудни,

Не дожидаясь отвѣта на предписаніе за № 488, онъ тотчасъ-же отпразднѣлъ форсированнымъ маршемъ изъ Закаталъ, подъ командою подполковника Барковского, два дивизіона драгунъ нижегородскаго полка, четыре сотни донскаго казачьяго № 48-го полка и четыре орудія линейной казачьей № 5-го батареи. Этому штабъ-офицеру поручилъ при слѣдованіи чрезъ Лагодехи приказать командиру тамъ находящагося постоянно въ совершенномъ бездѣйствіи 2-го баталіона тифлискаго полка, подполковнику Копоновичу, идти вслѣдъ за кавалеріею, но баталіонъ этотъ опоздалъ, не пришелъ съ кавалеріею, хотя ему предстояло сдѣлать переходъ вдвое меньше до Кварели. Въ часъ по-полудни, 5-го числа, подполковникъ Барковскій былъ уже на берегу рѣчки Дуруджи.

Получивъ такое подкрѣпленіе, фонъ-Кульманъ, конечно, уже не только не считалъ нужнымъ оставить Шильды безъ войскъ, но самъ поспѣшилъ туда. Взявъ съ собою изъ кварельскаго укрѣпленія еще одну сотню и одну роту мингрельскаго полка, прошелъ чрезъ селеніе Кварели, гдѣ присоединились къ нему вооруженные жители этого селенія, подъ командою участковаго засѣдателя, прапорщика князя Давида Чавчавадзе и гавазскаго поселенія, подъ командою капитана князя Абхазова, и сотня грузинской дружины. И такъ колонна его, состоявшая изъ 2-х дивизіоновъ драгунъ, 5 сотенъ казаковъ, одной роты и одной сотни пѣхоты и жителей при 4-хъ орудіяхъ, всего 2200 человекъ, въ 3½ часа по полудни, двинулась впередъ и послѣ незначительной ружейной перестрѣлки на Концхи (возвышенности у входа въ Шильды), занятой горцами, которые тотчасъ-же бѣжали, въ 7-мъ часовъ вступила въ полураззоренное селеніе. Съ Концхи мы видѣли непріятельскій лагерь на Хандо, какъ на ладони, и, по необыкновенному движенію народа, замѣтно было, что горцы сильно

встревожились приходомъ нашей кавалеріи и торопились занимать опушки лѣса по склону горъ. Жители Шильдъ были, конечно, обрадованы прибытіемъ такой значительной помощи, но чувства ихъ выражались крупными слезами и горькими рыданіями, когда они сами, будучи внѣ опасности, свободно начали ощущать огромную потерю свою въ близкихъ и имуществѣ. На пути слѣдованія мы узнали однако, что никто столько не потерялъ, какъ подполковникъ князь Давидъ Чавчавадзе; но онъ самъ, не зная этого, встрѣтилъ фонъ-Кульмана во главѣ войскъ и жителей, бывшихъ въ Шильдахъ, хотя его мучило какое-то темное подозрѣніе и былъ нездоровъ.

Здѣсь мы узнали также, что непріятель овладѣлъ и башнями похалисъ-тавскою и шуагорскою. Дѣйствія непріятеля происходили въ слѣдующемъ порядкѣ.

Какъ мы сказали выше, движеніе его противъ Кахетин первый разъ открылъ нашъ горный карауль, въ 8 часовъ вечера, 2-го іюля, и тотчасъ-же далъ знать гарнизону похалисъ-тавской башни, который приготовился защищаться. Начальникъ непріятельскаго авангарда, вѣроятно, полагая, что башня эта, составляющая прикрытіе дорогъ, спускающихся въ шильдинское и кварельское ущелья, можетъ быть взята легко подѣ вліяніемъ одного только впечатлѣнія и тѣмъ уничтожена преграда на пути движенія его, послалъ противъ башни часть своей кавалеріи. Горцы, подскакавъ на самое близкое разстояніе, начали требовать отъ гарнизона сдачи башни, но въ отвѣтъ на это получили со всѣхъ бойницъ ружейный залпъ. Опрокинутые назадъ, они почти на полчаса прекратили всякое открытое нападеніе; но по прибытіи главнаго скопища, Шамиль устроилъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, батарею изъ двухъ горныхъ единороговъ и одного полевого орудія и началъ разбивать башню.

Такимъ образомъ, занявъ гарнизонъ башни собственною обороною, онъ послать до 10000 человекъ конницы и пѣхоты въ шильдниское ущелье подъ командою сына своего Казы-Магомета и Даниель-бека, бывшаго элисуйскаго султана, а остальную часть пѣхоты и конницы до 5000 человекъ оставить при себѣ, на горѣ Похали.

Скопница Казы-Магомета и Даниель-бека, по спускѣ въ ущелье утромъ 3-го числа были вновь задержаны, на пѣкоторое время, шуагорскою башнею, но горцы вскорѣ пренебрегли ничтожнымъ сопротивленіемъ, которое могъ оказать малочисленный гарнизонъ ея, и устремились къ Хандо.

Между тѣмъ резервная милиція наша, самовольно, не смотря ни-на какія требованія, просьбы и угрозы сотенныхъ командировъ и начальника сей милиціи, подполковника князя Чавчавадзе, оставила Хандо еще до прихода туда непріятеля и отступила въ самое селеніе Шильды. Въ этомъ именно заключалась одна изъ главныхъ причинъ такого безпрятственаго вступленія горцевъ въ это селеніе и такого ужаснаго раззоренія его; непріятелю почти невозможно было-бы пройти въ селеніе по узкимъ дорогамъ, ведущимъ въ него между заборами густыхъ виноградныхъ садовъ, если-бы милиція защищала-бы тѣ дороги, потому что первый убитый непріятельскій всадникъ, съ своею лошадью, въ этихъ узкихъ проходахъ составилъ-бы непреодолимую баррикаду, и горцы должны были-бы проходить три версты сквозь перекрестный огонь.

Но милиція, пришедшая изъ Хандо, толпилась у воротъ крѣпости, шумѣла, врывалась въ ворота и, наконецъ, вся заперлась внутри, исключая весьма немногихъ человекъ, сдѣлавшихся вскорѣ жертвою бесполезной отваги.

Жители-же, еще съ разсвѣта, вышли на полевые работы, нисколько не вѣря опасности.

Пользуясь такимъ безпорядкомъ, непріятель густыми толпами ввалился въ селеніе сѣверными проходами и съ 7-ми до 11 часовъ утра предавалъ Шильды страшному раззоренію.

Въ 11-ть часовъ горцы раздѣлились на три партіи: одна возвратилась изъ селенія на Хандо съ плѣнными и добычею, другая пошла южными воротами къ деревнямъ Чинчріани, Турисъ-цихе и Нашаани и забрала въ плѣнъ всѣхъ бывшихъ на полевой работѣ шильдинцевъ и жителей этихъ деревень; третья-же устремилась на западъ и, переправившись чрезъ рѣчку Чельти, прошла селенія Греми, Энисели, Накалакеви и Шакріани; но здѣсь, замѣтивъ поспѣшное движеніе изъ Напарсулъ временной милиціи, подъ командою шакріанскаго помѣщика князя Георгія Джорджадзе, должна была отказать отъ дальнѣйшаго предпріятія.

Когда непріятель вышелъ изъ селенія Шильды, тамъ было найдено множество убитыхъ жителей и между ними четыре тѣла, безъ одежды, съ выбритыми головами, и по этому одному можно было думать, что горцы оставили на мѣстѣ четыре тѣла; но въ реляціи число это умножено въ сто-двадцать разъ; потеря-же наша въ этотъ день была громадная, потому что участи мѣстныхъ жителей подвергалось огромное число приходящихъ въ эти селенія каждое лѣто, для заработковъ, бѣдныхъ жителей синахскаго уѣзда и другихъ частей Кахетин.

Какъ только узнали въ Телавѣ о спускѣ непріятеля въ Шильды, телавскій уѣздный начальникъ, князь Андрониковъ, и предводитель дворянства, князь Кобуловъ, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія о безопасности телавскаго участка, собрали дворянъ и предложили имъ идти на помощь жителямъ лѣваго берега Алазани. Предложеніе это было единодушно принято всѣми и, собравъ значительное число прислуги и те-

лавскихъ мѣщанъ, дворяне эти около 5 часовъ вечера направились къ Алазани, но лишь только-что переѣхали эту рѣку, они были встрѣчены второю партіею горцевъ, не-далеко отъ селенія Чичиріани, разсѣяны и съ урономъ прогнаны назадъ. Уѣздный начальникъ и нѣкоторые другіе, не найдя брода, бросились въ такую глубину воды, что многіе, въ томъ числѣ князь Константинъ Чавчавадзе, не будучи въ состояніи выплыть, утонули, а самъ уѣздный начальникъ былъ едва спасенъ однимъ казакомъ его полицейской команды.

Около 6-ти часовъ вечера непріятель отступилъ со всѣхъ сторонъ къ лагерю своему на Хандо и въ то-же время приняли въ Шильды отправленные изъ Кварель двѣ роты мингрельскаго полка съ однимъ полевымъ орудіемъ, подъ командою подполковника князя Кобулова, и изъ Кодоръ 3-й баталіонъ тифлискаго полка съ двумя горными единорогами, подъ командою маіора князя Туманова.

Ночью съ 3-го на 4-е число Шильды были въ постоянной тревогѣ. Горцы подырадывались садами къ войскамъ, расположеннымъ на площади, впереди крѣпости, и беспокоили ихъ залпами изъ ружей.

Ободренные успѣхомъ прошедшаго дня Кази-Магометъ и Даніель-бекъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго опасенія 6-ти ротъ пѣхоты при 3-хъ орудіяхъ, состоявшихъ въ Шильдахъ, кромѣ 500 человекъ милиціи, и собранныхъ жителей—на другой день, въ 6 часовъ утра, направили изъ Хандо чрезъ Шильды всю кавалерію на правый берегъ Алазани. По первому извѣстію объ этомъ движеніи подполковникъ князь Чавчавадзе, взявъ три роты тифлискаго полка, двѣ—мингрельскаго при 3-хъ орудіяхъ, часть грузинской дружины и двѣ сотни резервной милиціи, поспѣшили за непріателемъ; но съ одной стороны неимѣніе кавалеріи, съ другой—полноводье

Алазани, воспрепятствовали ему догнать горцевъ,—и потому онъ долженъ былъ ограничиться только наблюденіемъ за движеніемъ ихъ, чтобъ отрѣзать имъ отступленіе.

Слѣдъ ихъ началъ обозначаться густымъ дымомъ пожаровъ въ селеніяхъ: Тогніани, Кондолы, Кисисъ-хеви, Цинандалы, Насомхари и Шалаури (рапортъ телавскаго уѣзднаго начальника отъ 5 іюля, 1854 г., № 20). Раззоривъ эти селенія, горцы раздѣлились на множество мелкихъ партій и начали отступать за Алазань, переправляясь въ разныхъ мѣстахъ частями. Вечеромъ одна изъ этихъ партій направилась къ рѣкѣ противу нашей засады. Какъ только она вступила въ глубину рѣки, по ней была пущена картечь и данъ залпъ изъ ружей. Горцы вдругъ смѣшались неожиданностію. Пользуясь этимъ, есаулъ грузинской дружины Маржаповъ и нѣсколько конныхъ милиціонеровъ мгновенно выхватили шашки и бросились на нихъ. Эта маленькая рукопашная схватка, можно сказать, была въ описываемое нами событіе самая блестящая битва и единственная, кончившаяся нашимъ успѣхомъ.

Между тѣмъ непріятель, желая оттянуть наши войска отъ переправы, началъ производить въ Шильдахъ ложныя тревоги. Объ этомъ дали знать князю Чавчавадзе и онъ долженъ былъ идти туда форсированнымъ маршемъ. Подойдя къ высотъ Концхи и зная, что оставшіяся за Алазанью партіи горцевъ будутъ проходить чрезъ это мѣсто, онъ приказалъ капитану Хитрово остаться тамъ на всю ночь съ двумя ротами мингрельскаго полка и съ двумя орудіями и всѣми мѣрами стараться отбивать у нихъ плѣнныхъ. Но капитанъ Хитрово, въ 9-ть часовъ вечера, разсѣявъ артилерійскимъ огнемъ одну маленькую партію и отбивъ у ней одну старуху и одну лошадь, покинулъ позицію и пришелъ тоже въ

Шильды. На вопросъ, почему онъ это сдѣлалъ, отвѣчаютъ, что онъ совершенно увѣренъ, что непріятеля болѣе нигдѣ уже нѣтъ. Такимъ образомъ 4-го числа плѣнные и добыча съ праваго берега Алазани, при достаточномъ числѣ нашихъ войскъ въ Шильдахъ, были взяты и проведены горцами въ свой лагерь также безпрепятственно, какъ и наканунѣ изъ Шильды и другихъ селеній лѣваго берега.

Въ этотъ-же день послѣ болѣе двухъ-суточного бомбардированія и почти совершеннаго разрушенія похалисъ-тавской башни, Шамиль успѣлъ вынудить гарнизонъ ея къ сдачѣ, а за нимъ сдался, вслѣдствіе обмана, и гарнизонъ шуагорской башни.

5-го числа Кази-Магометъ и Даніель-бекъ, занятые отправленіемъ изъ Хандо въ лагерь Шамиля плѣнныхъ и добычи, ничего не предпринимали противу кахетинскихъ селеній, а вечеромъ, въ 7-мъ часовъ, какъ мы уже сказали выше, прибыли въ Шильды съ отрядомъ полковникъ фонъ-Кульманъ.

И такъ въ Шильдахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ непріятельской позиціи, у насъ было 7-мъ ротъ регулярной пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ, 5-ть сотенъ казаковъ, двѣ сотни грузинской дружины, 5-ть сотенъ резервной милиціи, 7-мъ орудій и до 2000 хорошо вооруженныхъ жителей. Солнце стояло еще довольно высоко и начальники частей разсуждали съ полковникомъ фонъ-Кульманомъ о томъ, чтобъ напасть на непріятеля и прогнать его съ позиціи въ горы, но подполковникъ Барковский, представляя невозможность сдѣлать что-нибудь въ этотъ день кавалеріею, сильно утомленною быстрымъ движеніемъ изъ Закаталь, упростилъ фонъ-Кульмана отложить это намѣреніе до утра.

Наступила ночь и горцы начали, по обыкновенію, под-

крадываться къ нашей цѣпи и тревожить отрядъ ружейными выстрѣлами; но только-что начало разсвѣтать, 6-го числа все успокоилось и намъ дали знать обходные, что непріятеля уже нѣтъ въ Хандо, и вскорѣ замѣтили движеніе его въ огромныхъ массахъ на гору Похали.

Вечеромъ 6-го числа прибылъ съ отрядомъ 4½ баталіоновъ князь Меликовъ и расположился лагеремъ на рѣчкѣ Бурсѣ, около самаго селенія Кварели, прикрывъ его со стороны корьянскаго ущелья. Непріятель, замѣтивъ это, болѣе уже не рѣшался спускаться на плоскость.

Шамиль простоялъ на горѣ Похали еще четыре дня, затѣявъ разные пустые переговоры; но видя, что ничего болѣе ему не удастся, 10-го іюля снялся оттуда и ушелъ чрезъ Дидо и Анкратъ во-своихъ.

Кто знаетъ мѣстность горы Похали и подступы къ ней — нѣтъ ни малѣйшей нужды объяснять ему, почему князь Меликовъ не атаковалъ Шамиля.

Князь Баратовъ ().*

(*) Авторъ статьи — майоръ князь Баратовъ, исторіографъ Грузіи, нынѣ умершій.